

- **КОНСТАНТИН Степанович,** когда вы впервые узнали о том, что Сталин — ваш отец?

— Я был еще совсем маленьким... У нас в Сольвычегодске на пустыре недалеко от нашего дома ссыльные устроили футбольное поле, и я часто бегал туда смотреть на игру. На краю поля подбирал мячи и подавал игрокам. Тогда, конечно, я не понимал, насколько сильно отличаюсь от своих сверстников. Черные-пречерные волосы, словом, ребенок, как теперь говорят, кавказской национальности. На меня все поглядывали с любопытством. И как-то я заметил, что один ссыльный пристально смотрит на меня. Потом он подошел ко мне, спросил, как зовут. Я ответил: «Костя». — «Так это ты сын Джугашвили?» — говорит. — «Похож, похож...».

— **Вы тогда не спросили у мамы: правда ли это?**

— Я спрашивал ее об этом позже. Мама была женщиной доброй, хотя и с железным характером, и одновременно гордой. Иногда просто суровой, губы всегда плотно сжаты. Крепкая была женщина. И до последних своих дней очень разумная. Когда я спросил, правда ли то, что говорят, она ответила: «Ты мой сын. А об остальном ни с кем никогда не говори».

— **А как в ваш дом попал Сталин?**

— Мама, рассказывала так. Пришел в дом грузин, спросил, здесь ли жил Давид, так звали предыдущего жильца. «Жил», — говорит мама. — «Он порекомендовал мне поселиться у вас». Это и был Иосиф Виссарионович.

— **А когда «звание» сына Сталина стало помогать вам?**

— Получилось это как-то для меня незаметно. Я учился в предпоследнем классе школы, когда к нам на товарищеский матч по футболу приехала команда из окружного центра — Великого Устюга. Вдруг ко мне подошел

Его карьера была головокружительной даже для сталинского времени стремительных взлетов и падений. Из беспартийного вузовского преподавателя он за семь лет превратился в заместителя начальника управления пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно первого заместителя министра кинематографии. Секрет его успеха был одновременно и одним из тщательно скрываемых секретов государства. В его документах были скорректированы место и время рождения. Причина была простой — Константин Степанович Кузаков родился в доме, где квартировал сосланный в Сольвычегодск Иосиф Джугашвили. И члены семьи Сталина не без оснований считают Константи́на Степановича своим родственником. Но сам он всю жизнь сознательно уходил от обсуждения этих подробностей своей биографии. Сегодня он впервые рассказывает о них.

ЗЕМЛЯКИ

Константин Кузаков -сын И. В. Сталина

Вася Слепухин — секретарь окружкома комсомола. «Ты куда собираешься после окончания школы?» — спрашивает. Отвечаю, что хотел бы изучать политэкономии. Вася пообещал дать мне комсомольскую путевку в институт. Дали мне направление в Ленинградский финансово-экономический. После экзаменов приходит ко мне в общежитие Слепухин. Он уже год как учился в этом институте и там тоже был избран комсомольским секретарем. «Ну, — говорит, — сын Сталина, отец-то теперь будет доволен». Я даже испугался. Думаю, разболтает всем, беды не оберешься. Но прошло все благополучно.

После института я был оставлен на преподавательской работе. Читал много лекций и через некоторое время был приглашен в лекторскую группу обкома партии. Коммунистом я стал только в 1939 году. И очень скоро попал в аппарат ЦК. Мне предложили

стать инструктором Агитпропа, и я согласился. Ездил, проверял, как идет изучение «Краткого курса истории ВКП(б)». Скоро стал помощником начальника отдела, потом управления, и пошло, пошло...

— **Жданов знал о вашем происхождении?**

— Большим секретом это не было. Думаю, и для него тоже.

— **К вам благоволили и другие члены руководства?**

— Очень хорошо ко мне относится Поскребышев. Одно время я чувствовал особое отношение ко мне Маленкова. Он попытался устроить мне личный прием у Сталина.

— **Встреча состоялась?**

— Ничего не вышло. Меня искали в тот день, но не смогли найти. Потом Поскребышев на меня шумел: «Слушай, мы тебя искали-искали. Маленков сам тебе звонил. Товарищ Сталин хотел видеть тебя. Теперь поздно, к нему

зашли маршалы, это надолго».

Сталина я видел не раз. И издали, и близко. Но к себе он меня больше не вызывал. Думаю, не хотел делать меня инструментом в руках интриганов.

— **Константин Степанович, почему ваша блестящая карьера прервалась задолго до смерти Сталина?**

— Она прервалась, но не завершилась. При Хрущеве и Брежневле я был директором издательства, начальником управления Министерства культуры и долгие годы — чле-

— Не я. Берия пытался уничтожить Жданова. И хотел, чтобы компромат на Жданова Сталину дал я. Нигде в документах зафиксировано не было, но на работу в аппарат ЦК Сучкова рекомендовал Жданов. А я по просьбе Андрея Александровича подписал поручительство. Берия, конечно, все знал и мог сам доложить об этом, но предпочел обзавестись свидетелем, которому Сталин поверил бы безоговорочно.

— **Как вел себя Жданов?**

— Делал вид, будто не имел к Сучкову никакого отношения. Говорил, что плоховато мы знаем своих сотрудников.

— **Он просил вас не выдавать его?**

— Зачем? Нас могли подслушивать. А я прекрасно понимал, что, назови я Жданова, мы все автоматически становимся участниками грандиозного заговора. И защитить нас уже не сможет никто.

А так меня судили судом чести ЦК за потерю бдительности. Исключили из партии, сняли со всех постов. Было тяжело, но все же не лагерь и не расстрел. А в день ареста Берии меня восстановили в партии. Председатель Комитета партийного контроля Шверник показал мне мое персональное дело. Многие из тех, кого я считал друзьями, написали на меня страшные доносы.

— **Вас спас Сталин?**

— Да. Берия вынес вопрос об «атомном шпионаже» на Политбюро и там, как мне потом рассказал Жданов, требовал моего ареста. Он ведь понимал, что в тюрьме они заставят меня подписать любые признания. Сталин долго ходил вдоль стола, курил и потом сказал: «Для ареста Кузакова я не вижу оснований».

Беседовал

Е. ЖИРНОВ.

главный редактор информационного агентства «Росинформ».

— **Чем же вы провинились перед Берией?**